

УДК 343.541
ББК 67.408.113

СОДЕРЖАНИЕ КВАЛИФИЦИРУЮЩЕГО ПРИЗНАКА «ИНЬЕ ТЯЖКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗНАСИЛОВАНИЯ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

Любовь Валентиновна Лобанова

Доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного права,
Волгоградский государственный университет
ur@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Лариса Николаевна Ларионова

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
Волгоградский государственный университет
ur@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется содержание п. 13 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 4 декабря 2014 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы». Авторы обращают внимание на излишнюю лаконичность формулировки соответствующего разъяснения и на некоторые иные его недостатки, затрудняющие понимание смысла уголовного закона правоприменителем. Предлагается новая редакция обращенной к судьям рекомендации:

«Под изнасилованием (либо насильственным действием сексуального характера), повлекшим тяжкие последствия, о котором идет речь в п. «б» ч. 3 ст. 131 и п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ, следует, как правило, понимать такие предусмотренные данными статьями преступления, которые обусловили обострение ранее существующего психического расстройства или иного тяжелого заболевания потерпевшего (потерпевшей) либо его (ее) близких, непосредственно присутствующих при совершении преступления, а равно вынудившие указанных лиц на совершение в целях предотвращения сексуального надругательства действий, создающих опасность для их жизни или наступления тяжкого вреда здоровью (например, самоубийство потерпевшего (его близких), попытка совершения данного акта, предпринятые с риском для жизни либо чреватые увечьем действия по спасению от насилия и т. п.).»

К иным тяжким последствиям названных преступлений также могут быть отнесены и не связанные с расстройством здоровья негативные изменения, находящиеся в причинной связи с данными посягательствами, при условии, что таковые свидетельствуют о существенных нарушениях в интимной сфере жизни потерпевшего (потерпевшей) (стойкое нежелание интимных отношений, отказ от традиционной сексуальной ориентации и т. п.).»

Ключевые слова: квалифицирующий признак, изнасилование, иные тяжкие последствия, гибель потерпевшей, попытка суицида, беременность потерпевшей.

Стабильность и единообразие судебной практики являются неперенными условиями успеха в противодействии преступности уголовно-правовыми средствами. Учитывая это, нельзя не приветствовать активность руководящего судебного органа России в принятии целого ряда новых постановлений по отдельным категориям дел. Так, 4 декабря 2014 г. Пленум Верховного суда РФ принял Постановление № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [7, с. 2–6], проект которого широко обсуждался научной общественностью и практически всеми работниками. Признавая своевременность и полезность появления данного документа, следует вместе с тем заметить, что некоторые его положения способны разочаровать правоприменителя. Ведь, судя по тексту постановления, Пленум так и не смог определить свою четкую позицию по отдельным, весьма непростым вопросам квалификации половых преступлений.

Вышесказанное имеет непосредственное отношение к интерпретации в упомянутом акте судебного толкования содержания такого квалифицирующего признака изнасилования, как «изнасилование, повлекшее иные тяжкие последствия».

Рекомендация судам, закрепленная в соответствующем пункте (п. 13) упомянутого постановления, лаконична. «К иным тяжким последствиям изнасилования или насильственных действий сексуального характера, – разъясняет высший судебный орган страны, – предусмотренным пунктом “б” части 3 статьи 131 и пунктом “б” части 3 статьи 132 УК РФ, следует относить самоубийство или попытку самоубийства потерпевшего лица, беременность потерпевшей и т. п.» [7, с. 4].

Нельзя, конечно, сказать, что приведенное разъяснение не содержит ничего полезного для практики. Весьма важным, например, нам представляется отнесение Пленумом к иным тяжким последствиям изнасилования не только самоубийства, но и покушения на самоубийство потерпевшей. Ранее подобная оценка последнего обстоятельства не считалась общепризнанной. Предлагалось, в частности, усматривать наличие тяжких последствий при попытке суицида лишь тогда, когда

таковая повлекла тяжелое повреждение здоровья потерпевшей [15, с. 182]. Вместе с тем в науке уголовного права справедливо обращалось внимание на то, что сама по себе безуспешная попытка самоубийства потерпевшей, явившаяся результатом надругательства над последней, свидетельствует о более высоком уровне общественной опасности данного вида изнасилования. Так, А.Н. Каменева писала: «Это объясняется тем, что, во-первых, покушение на самоубийство – это всегда реальная опасность для жизни, во-вторых, покушение на самоубийство свидетельствует о серьезных нарушениях психики, нежелании жить. К тому же, согласно ст. 110 УК РФ, доведение до самоубийства и доведение до покушения на самоубийство предусмотрены законодателем в одной статье, а следовательно, обладают примерно одинаковой степенью общественной опасности» [9, с. 21].

И все же содержание п. 13 рассматриваемого Постановления Пленума Верховного суда РФ вряд ли в полной мере отвечает потребностям практики.

Одним из серьезных недостатков закрепленного здесь разъяснения нам представляется отсутствие в нем указания на свойства, объединяющие варианты тяжких последствий. Здесь, как видим, лишь приводится примерный, причем отнюдь не обширный перечень результатов сексуального насилия, которые следует относить к такого рода последствиям. При этом Пленумом оставлены в тени особенности связи негативных обстоятельств, претендующих на роль так называемых тяжких последствий, с действиями, входящими в объективную сторону насильственных половых преступлений. В итоге осталась неясной возможность учета при применении п. «б» ч. 3 ст. 131 и п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ смерти или тяжкого вреда здоровью, которые вызваны не непосредственно действиями виновного, а отчаянным, отличным от суицида поведением потерпевшей, продиктованным стремлением избежать насилия.

Уголовно-правовая оценка факта гибели потерпевшей, стремящейся спастись от надругательства над ней, осложняется в настоящее время еще и тем, что законодатель, изменив в 2009 г. редакцию ст. 131 УК РФ, посвятил изнасилованию, повлекшему по неосторожности смерть потерпевшей, отдельный

пункт ч. 4 данной статьи (п. «а») и тем самым установил за этот вид изнасилования более суровую санкцию, чем за изнасилование, повлекшее иные тяжкие последствия. Между тем рекомендаций по применению п. «а» ч. 4 ст. 131 УК РФ в рассматриваемом Постановлении Пленума Верховного суда РФ вообще не дается.

Интересно, что высший судебный орган страны, применяя УК РФ в его прежних редакциях, в решениях по конкретным делам иногда придавал гибели потерпевшей, стремящейся спастись от насильственных действий, значение квалифицирующего обстоятельства «изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей».

Именно так была расценена Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РФ смерть Ж., последовавшая в результате ее [Ж.] неосторожного падения на асфальт с окна декоративной решетки балкона, расположенного между 8-м и 9-м этажами, на которое она встала, осознавая неизбежность группового изнасилования и пытаясь спастись [4, с. 5–6]. Однако подобная правовая позиция Верховного суда РФ не представляется нам бесспорной. Обратим в этой связи внимание на доводы Судебной коллегии, изложенные в определении, в котором отрицается возможность признания изнасилования, повлекшего самоубийство потерпевшей, изнасилованием, причинившем ей смерть. «По смыслу закона, – поясняет Судебная коллегия, – этот квалифицирующий признак предполагает причинение потерпевшей смерти непосредственно во время изнасилования при преодолении сопротивления либо наступление смерти ввиду обострения заболевания потерпевшей» [5, с. 19]. Нетрудно, однако, заметить, что и гибель пытающейся спастись от изнасилования потерпевшей также не является ни непосредственным результатом действий виновного по преодолению ее [потерпевшей] сопротивления, ни итогом обострения под влиянием данного преступления заболевания, которым потерпевшая страдала до изнасилования. Так же, как и самоубийство, подобная гибель опосредована действиями самой потерпевшей, поэтому также, как и оно, не должна ставиться на одну доску со смертью, вызванной непосредственно действиями, входящими в объективную сторону изнасилования. Но так же, как самоубийство, подобная гибель жер-

твы изнасилования должна влиять на квалификацию последнего. Ее следует признавать иным тяжким последствием изнасилования, поскольку в обоих случаях речь идет о последствии вынужденного именно насильственным половым актом (действиями, входящими в объективную сторону изнасилования) либо покушением на него поведения женщины, чья половая свобода либо неприкосновенность нарушена преступным посягательством.

Определенный интерес в этом отношении представляет содержание п. 13 Постановления № 7 Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. ст. 166–170 УК)». Здесь закреплены рекомендации судам по применению ч. 3 ст. 166 или ст. 167 УК данного государства, заключающиеся в разъяснении смысла понятия «изнасилование (насильственные действия сексуального характера), повлекшее смерть потерпевшей, либо причинение тяжких телесных повреждений, либо заражение ВИЧ-инфекцией, либо иные тяжкие последствия».

Указав в абз. 1 названного пункта Постановления на то, что основанием для квалификации действий обвиняемого по ч. 3 ст. 166 или ст. 167 является наступление смерти потерпевшей (потерпевшего), заражение ВИЧ-инфекцией, причинение ей (ему) тяжких телесных повреждений, наступление иных тяжких последствий, если они находятся в причинной связи с изнасилованием, насильственными действиями сексуального характера, Высший судебный орган Республики Беларусь отнес именно к иным тяжким последствиям для потерпевшей (потерпевшего) от насильственных половых преступлений гибель при попытке спастись, поставив таковую [гибель] в один ряд с самоубийством этих лиц, а не посчитав вариантом причинения смерти [13].

Для конечной квалификации по ч. 3 ст. 166 УК Республики Беларусь, возможно, это и не столь принципиально, расценена ли подобная гибель потерпевшей от изнасилования как причинение ей смерти или наступление иного тяжкого последствия. Однако это важно для правильного восприятия правоприменителем объема соответствующих понятий, для во-

ружения практических работников ориентирами при уяснении ими содержания квалифицирующего признака, а кроме того, при определении виновному меры наказания с учетом конкретного проявления этого содержания в реальной действительности.

Для российской судебной практики точность в установлении наличия и особенностей связи смерти потерпевшей с посягательством на ее половую свободу либо неприкосновенность еще более значима, поскольку от этого зависит не просто отнесение изнасилования к квалифицированному виду, но и выбор квалифицирующего признака.

Умолчал Пленум Верховного суда РФ и о том, следует ли вменять в вину насильнику в качестве тяжких последствий содеянного им вред жизни или здоровью других присутствующих при преступлении лиц, явившийся результатом их собственных действий, направленных на то, чтобы предотвратить изнасилование (иные действия сексуального характера). В то же время судебные органы иногда встречаются с подобного рода проблемами. Так, А.И. Коробеев приводит следующий пример из практики одного из областных судов России.

К. на квартире Ш., угрожая убийством, изнасиловал несовершеннолетнюю Олю. Когда с работы вернулась мать девочки, К. совершил насильственный половой акт и с ней, а после чего намеревался совершить новый половой акт с Олей. Мать Оли, ничего не знавшая о первом преступлении, чтобы оградить дочь от посягательства насильника и привлечь внимание людей, выбросилась с 8-го этажа и от полученных повреждений скончалась. Содеянное К. по последнему эпизоду было квалифицировано как изнасилование, повлекшее тяжкие последствия [10, с. 125].

Такая оценка представляется справедливой. Однако чтобы развеять сомнения в этом некоторых правоприменителей, свою правовую позицию по указанному вопросу целесообразно обнародовать Пленуму Верховного суда РФ.

Не акцентирует внимание Пленум Верховного суда РФ также на такой ситуации, как обострение ранее существовавшего у потерпевшего психического расстройства. Между тем в судебной практике наметилась опасная тенденция отрицания наличия квалифицирующего признака, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 131 и

п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ, даже в том случае, когда психическое расстройство находилось в причинной зависимости от насильственного полового контакта. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ своим Определением от 26 февраля 2013 г. № 67-013-13 исключила из квалификации действий К. соответствующий пункт ст. 132 УК РФ на том основании, что психическое расстройство малолетнего потерпевшего, наступившее в результате сексуального надругательства над ним (в форме расстройства адаптации с преобладанием нарушения эмоций и поведения, синдрома ранней сексуализации поведения), продолжалось свыше трех недель от момента причинения психической травмы и должно по критерию длительности расстройства здоровья расцениваться как средней тяжести вред здоровью [6, с. 17]. Справедливо не признав психическое расстройство потерпевшего иным тяжким последствием насильственных действий сексуального характера, Судебная коллегия, на наш взгляд, упустила из виду, что психическое расстройство является специфическим критерием, позволяющим отнести причиненный здоровью вред к тяжкому независимо от содержания общих критериев. Этот вывод вытекает непосредственно из содержания ч. 1 ст. 111 УК РФ. Психическое расстройство без уточнения его глубины и продолжительности прямо называется квалифицирующим признаком в отношении тяжкого вреда в абз. «а» п. 4 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522 [14]. К сказанному имеет непосредственное отношение также содержание п. 5 названных Правил, где подчеркивается необходимость определения степени тяжести вреда при наличии нескольких признаков по тому из них, который соответствует большей степени тяжести вреда [14]. Судебная коллегия в упомянутой ситуации поступила вопреки указанным положениям и в результате допустила ошибку в квалификации совершенного К. изнасилования.

Следует отметить, что в практике применения УК РСФСР также встречались подобного рода ошибки, которые, как правило, исправлялись высшей судебной инстанцией.

Пермским областным судом Ш. был осужден по ст. 15 и ч. 3 ст. 117 и ч. 2 ст. 206 УК

РСФСР за покушение на изнасилование, последствием которого послужила душевная болезнь потерпевшей, и за злостное хулиганство.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР исключила из квалификации содеянного Ш. указание на квалифицирующий признак «изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия» на том основании, что наступившее у потерпевшей расстройство душевной деятельности носит временный характер.

Однако Президиум Верховного суда РСФСР не согласился с этим выводом, отметив, что в ст. 108 УК РСФСР нет никаких оговорок о том, что расстройство душевной деятельности как особо тяжкое последствие изнасилования должно носить стойкий характер [3, с. 9–10]. Данное решение Президиума Верховного суда РСФСР нашло положительный отклик и среди теоретиков уголовного права советского периода его развития [15, с. 185].

Встречались в прежней практике Верховного суда РСФСР и случаи признания особо тяжким последствием изнасилования обострения психической болезни, которой потерпевшая страдала ранее.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам согласилась с квалификацией действий Л., данной Верховным судом Карельской АССР. Приговором названного суда Л. был осужден по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР за изнасилование К. В результате этого преступления шизофрения, которой страдала К. до изнасилования, перешла в тяжелую форму, требующую длительного лечения. Именно данное влияние насильственных действий Л. на развитие заболевания К. было учтено Судебной коллегией, отклонившей кассационную жалобу осужденного, в которой он просил о переквалификации своих действий на ч. 1 ст. 117 УК РСФСР на том основании, что К. болела шизофренией и до изнасилования [2, с. 8].

Мы также полагаем, что с позиции действующего УК РФ само психическое расстройство потерпевшей либо его обострение, находящиеся в причинной зависимости с изнасилованием, должны обуславливать квалификацию действий виновного по п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ. Эти последствия имеют одну и ту же природу, указывая на весьма ощутимые негативные изменения в дополнительном

объекте уголовно-правовой охраны – психическом здоровье потерпевшей. Но если психическое расстройство потерпевшей входит в объем понятия «тяжкий вред здоровью потерпевшей», то его [расстройства] обострение следует рассматривать в качестве иного тяжкого последствия изнасилования. Пленуму Верховного суда РФ было бы не лишним разъяснить это судам.

Иным тяжким последствием насильственных половых преступлений в анализируемом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ прямо названа беременность потерпевшей, причем без каких-либо оговорок. В юридической литературе также встречается утверждение, будто любая беременность должна относиться к тяжким последствиям по социальным показаниям [1, с. 34; 11, с. 51]. Такой подход представляется излишне категоричным. Понятие иных тяжких последствий изнасилования оказывается лишенным четких ориентиров, если в один ряд с такими обстоятельствами, как тяжкий вред здоровью, заражение ВИЧ-инфекцией, самоубийство потерпевшей, ставить такое физиологическое состояние женщины, как ее беременность.

По нашему мнению, на роль тяжких последствий насильственных половых преступлений могут претендовать такие обстоятельства, которые свидетельствуют об особо разрушительном влиянии такого рода посягательств на основной и дополнительные объекты уголовно-правовой охраны, указанные в ст. 131 или 132 УК РФ. Преимущественно данные обстоятельства должны затрагивать сферу жизни и здоровья потерпевшего либо других лиц, близких ему, непосредственно присутствующих при изнасиловании, поскольку соответствующие отношения являются, безусловно, значимыми, приоритетно защищаемыми социальными благами, независимо от нарушающих их преступлений. В этом случае, как справедливо замечает А.В. Наумов, «тяжесть вреда должна определяться исходя не из специфики способа причинения, а из одинакового по значению объекта – жизни и здоровья» [12, с. 12].

Однако не следует забывать и о такого рода разрушительных результатах изнасилования, которые предопределяются свойствами основных объектов данного преступного

деяния (половая свобода и половая неприкосновенность).

Исходя из этих соображений далеко не всякая беременность должна расцениваться как иное тяжкое последствие изнасилования, поскольку сама по себе беременность есть нормальное физиологическое состояние. Но зато на эту роль равным образом может претендовать и беременность, создающая опасность для жизни или здоровья потерпевшей, и беременность неприкосновенных в половом отношении лиц.

Думается, что если Пленум Верховного суда РФ действительно считает, что наступление в результате насильственного полового сношения беременности потерпевшей существенно повышает уровень общественной опасности изнасилования, он должен, используя свое право законодательной инициативы, добиваться от законодателя придания данному обстоятельству статуса самостоятельного квалифицирующего признака. Отметим в связи с этим, что зарубежное законодательство знает примеры подобного рода (см., например, п. (3) ч. «бет» ст. 345 Закона об уголовном праве Израиля [8, с. 296]. Предварительно целесообразно было бы выяснить, во всех ли случаях жертва изнасилования испытывает дополнительные страдания, вызванные ее беременностью. Для получения ответа на данный вопрос требуются серьезные криминологические исследования, а возможно, и исследования в области других наук (психологии, медицины и т. д.).

Пока же данные научного поиска опровергают утверждение, будто любая нежелательная беременность, как правило, прерывается медицинским путем, то есть потерпевшая испытывает дополнительные нравственные и физические страдания, связанные с абортom [1, с. 34]. Так, по данным выборочного исследования А.И. Коробеева, из шести забеременевших в результате изнасилования женщин лишь одна сделала аборт. Это, как резонно замечает автор, свидетельствует о том, что многие женщины саму по себе беременность от насильника не рассматривают как непоправимую трагедию [10, с. 126]. Нельзя не подчеркнуть также, что для женщины, потерявшей надежды завести ребенка, подобная беременность и вовсе может

стать обстоятельством, примиряющим ее с жизнью, а возможно, и с виновным, особенно если с последним она ранее состояла в близких отношениях. Здесь важно также учесть, что превращение изнасилования в квалифицированный вид принципиально меняет порядок уголовного преследования. Частно-публичный характер последнего в этом случае исключается (ч. 5 ст. 20 УПК РФ).

Что касается анализируемого пункта Постановления Пленума Верховного суда РФ, то его изложение целесообразно было бы начать с положений следующего содержания: «Под изнасилованием (либо насильственным действием сексуального характера), повлекшим тяжкие последствия, о котором идет речь в п. “б” ч. 3 ст. 131 и п. “б” ч. 3 ст. 132 УК РФ, следует, как правило, понимать такие предусмотренные данными статьями преступления, которые обусловили обострение ранее существующего психического расстройства или иного тяжелого заболевания потерпевшего (потерпевшей) либо его (ее) близких, непосредственно присутствующих при совершении преступления, а равно вынудившие указанных лиц на совершение в целях предотвращения сексуального надругательства действий, создающих опасность для их жизни или наступления тяжкого вреда здоровью (например, самоубийство потерпевшего (его близких), попытка совершения данного акта, предпринятые с риском для жизни либо чреватые увечьем действия по спасению от насилия и т. п.).

К иным тяжким последствиям названных преступлений также могут быть отнесены и не связанные с расстройством здоровья негативные изменения, находящиеся в причинной связи с данными посягательствами, при условии, что таковые свидетельствуют о существенных нарушениях в интимной сфере жизни потерпевшего (потерпевшей) (стойкое нежелание интимных отношений, отказ от традиционной сексуальной ориентации и т. п.)».

Думается, что высшему судебному органу России необходимо также довести до сведения судебного корпуса свою позицию относительно психического отношения виновного в насильственных сексуальных действиях лица к так называемым иным тяжким последствиям. Но это уже тема другой статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бохан, А. Вопросы квалификации изнасилований (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) / А. Бохан // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 32–35.
2. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1966. – № 5. – С. 8.
3. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1966. – № 6. – С. 9–10.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – № 8. – С. 5–6.
5. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 3. – С. 19.
6. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 10. – С. 17.
7. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 2. – С. 2–6.
8. Закон об уголовном праве Израиля / под ред. Н. И. Мацнева. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. – 412 с.
9. Каменева, А. Н. Дискуссионные вопросы ответственности за изнасилование по уголовному законодательству Российской Федерации и уголовным законодательствам зарубежных государств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Каменева Анна Николаевна. – М., 2009. – 29 с.
10. Коробеев, А. И. Ответы на вопросы для обсуждения на конференции / А. И. Коробеев // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 119–127.
11. Мелешко, Д. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»: обзор нововведений / Д. Мелешко // Уголовное право. – 2015. – № 3. – С. 47–54.
12. Наумов, А. В. О конкретизации тяжких последствий преступного деяния / А. В. Наумов // Советская юстиция. – 1972. – № 11. – С. 11–13.
13. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – 2012. – 12 окт. (6/1225).
14. Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : (утв. Постановлением Правительства РФ от 17 авг. 2007 г. № 522) // Российская газета. – 2007. – 24 авг. (№ 4448(0)).
15. Яковлев, Я. М. Половые преступления / Я. М. Яковлев. – Душанбе : Ирфон, 1969. – 453 с.

REFERENCES

1. Bokhan A. Voprosy kvalifikatsii iznasilovaniy (st. 131 UK RF) i nasilstvennykh deystviy seksualnogo kharaktera (st. 132 UK RF) [Issues of Rape (Article 131 of the Russian Criminal Code) and Sexual Assault

Qualification (Article 132 of the Criminal Code)]. *Ugolovnoe pravo*, 2014, no. 5, pp. 32-35.

2. *Byulleten Verkhovnogo Suda RSFSR* [Bulletin of the Supreme Court of RSFSR], 1966, no. 5, p. 8.
3. *Byulleten Verkhovnogo Suda RSFSR* [Bulletin of the Supreme Court of RSFSR], 1966, no. 6, pp. 9-10.
4. *Byulleten Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 1998, no. 8, pp. 5-6.
5. *Byulleten Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 1999, no. 3, p. 19.
6. *Byulleten Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2013, no. 10, p. 17.
7. *Byulleten Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2015, no. 2, pp. 2-6.
8. Matsnev N.I., ed. *Zakon ob ugovolnom prave Izrailya* [The Criminal Law Act of Israel]. Saint Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2005. 412 p.
9. Kameneva A.N. *Diskussionnye voprosy otvetstvennosti za iznasilovanie po ugovolnomu zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii i ugovolnym zakonodatelstvam zarubezhnykh gosudarstv: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Debatable Questions of Responsibility for Rape According to the Criminal Legislation of the Russian Federation and the Criminal Legislation of the Foreign Countries: Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2009. 29 p.
10. Korobeev A.I. *Otvetny na voprosy dlya obsuzhdeniya na konferentsii* [Answers to the Questions for Discussion at the Conference]. *Ugolovnoe pravo*, 2014, no. 5, pp. 119-127.
11. Meleshko D. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF "O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh protiv polovoy neprikosnovennosti i polovoy svobody lichnosti"*: obzor novovvedeniy [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On Judicial Practice in Cases of Crimes Against Sexual Inviolability and Sexual Freedom": a Review of Innovations]. *Ugolovnoe pravo*, 2015, no. 3, pp. 47-54.
12. Naumov A.V. *O konkretizatsii tyazhkiikh posledstviy prestupnogo deyaniya* [About Concretization of Grave Consequences of a Criminal Act]. *Sovetskaya yustitsiya*, 1972, no. 11, pp. 11-13.
13. *Natsionalnyy pravovoy internet-portal Respubliki Belarus* [The National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus], 2012, Oct. 12 (6/1225).
14. *Pravila opredeleniya stepeni tyazhesti vreda, prichinennogo zdorovyu cheloveka: (utv. Postanovleniem Pravitelstva RF ot 17.08.2007 № 522)* [The Rules for Determining the Severity of the Harm Caused to Human Health: (Approved by the RF Government Decree of August 17, 2007 no. 522)]. *Rossiyskaya gazeta*, 2007, Aug. 24 (no. 4448(0)).
15. Yakovlev Ya.M. *Polovyye prestupleniya* [Sex Crimes]. Dushanbe, Irfon Publ., 1969. 453 p.

**CONTENT OF QUALIFYING SIGN
“OTHER SERIOUS CONSEQUENCES OF RAPE”
IN INTERPRETATION OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Lyubov Valentinovna Lobanova

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Head of Department of Criminal Law,
Volgograd State University
up@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Larisa Nikolaevna Larionova

Candidate of Juridical Sciences,
Associate Professor, Department of Criminal Law,
Volgograd State University
up@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the contents of paragraph 13 of Resolution of the Plenum of the Supreme Court of December 4, 2014 “On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom”. The authors point excessive laconic wording of the relevant explanations and some of its other disadvantages that impede understanding of the meaning of the criminal law by enforcer. A new edition of the recommendations is addressed to the judges:

“Under the rape (or violent sexual actions) which has entailed grave consequences, referred to paragraph “b” part 3 of Art. 131 and paragraph “b” part 3 of Art. 132 of the Criminal Code, should, as a rule, be understood such crimes covered by these Articles that led to the aggravation of pre-existing mental disorder or other severe diseases of the victim or his (her) family, directly presents during the commission of a crime, as well as compelled the people to commit, in order to prevent the sexual abuse, acts that endanger their lives or the occurrence of serious harm to health (for example, the victim’s suicide (his relatives’), attempt to commit the act, undertaken with risk to life or fraught with injury action to save from violence, etc.).

For other serious consequences of these crimes, non-health disorder, negative changes can also be categorized, that are in causal connection with these assaults, with the provision that such consequences indicate the significant violations in the intimate sphere of life of the victim (persistent unwillingness of intimate relationships, rejection of traditional sexual orientation, etc.)”.

Key words: qualifying sign, rape, other serious consequences, death of the victim, suicide attempt, pregnancy of the victim.